

АРАКЧЕЕВ И РУССКИЕ ФИНАНСЫ (1808-1809 гг.)

Говоря о событиях, последовавших за подписанием в Тильзите мирного и союзных договоров, отечественные историки редко обращают внимание на небольшой указ Александра I от 25 января 1808 г., адресованный Военной коллегии. Между тем по своему влиянию на состояние российских финансов да и экономики в целом этот указ имел не меньшие последствия, чем предусмотренное тильзитскими договоренностями присоединение России к направленной против Англии континентальной системе, оформленное целым набором разнообразных указов и манифестов.

Начинался вышеупомянутый указ следующими словами: «Доходит до моего сведения, что комиссариатского, провиантского, артиллерийского и инженерного ведомств места и чиновники, задолжав частным людям за взятые у них для войск материалы и припасы, обращают на удовлетворение претензий их суммы, ассигнованные на настоящее сего года продовольствие, или на другие не меньше важные и никакого отлагательства не терпящие предметы Александр I, впрочем, по своему обыкновению немного лукавил. Ему, утвердившему роспись о государственных доходах и расходах на 1808 г., лучше многих других было известно, что в ней не предусмотрено каких-либо сумм на оплату названных долгов. Средства, выделяемые Военному министерству, были даже уменьшены на 6,2 млн руб., отпущенных в октябре - ноябре 1807 г. по высочайшим указам в счет ассигнований будущего года. Тем не менее, несмотря на все сокращения расходных смет, бюджет 1808 г., как и в предыдущие годы, был сведен с дефицитом. Покрыть его предполагалось путем «позаимствований» без малого 18 млн руб.², преимущественно из Ассигнационного банка. В своем рескрипте на имя членов Комитета финансов³ Александр I вынужден был признать, что «Комитет обратился к тем же временным способам (главным образом к выпуску ассигнаций), которые много раз употреблялись, но дела не поправляли»⁴.

Разочарованный в предлагаемых способах поправления финансового положения, Александр I, по всей видимости, не нашел ничего лучшего, как обратиться к более решительным мерам - приостановить уплату долгов, о чем ходатайствовал недавно назначенный военным министром А.А. Аракчеев. Именно по его представлению и был подписан вышеуказанный указ.

Более того, Аракчеев пошел на беспрецедентный в истории отечественных финансов шаг. Он в первый (впрочем, и в последний в дореформенной истории) раз публично приоткрыл завесу, которой было окутано состояние отечественных финансов, дав объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях». Уведомив «к общему сведению всех», что ему «киманно запрещено платить долги, какового бы рода они ни были», Аракчеев объясняет сей шаг невозможностью для себя как военного министра «вместе продовольствовать войска и платить долги, так как из одного рубля надобности на два удовлетворить нельзя»⁵. Тем самым он фактически признавал, что государственная казна оказалась пуста.

Эта горькая, но правда, тем более сказанная облеченным доверием государя чиновником, была, очевидно, предпочтительнее разного рода домыслов и слухов, представлявших состояние дел в искаженном и значительно худшем виде. Как бы ни были «нежны» финансовые вопросы, в условиях той сугубой секретности, с которой их пытались решать правительство Александра I, когда не все даже высшие органы государственного управления имели доступ к полной информации о данных бюджетных росписей⁶, известная прямолинейность Аракчеева могла сыграть свою положительную роль.

Так, 1 мая 1808 г., в тот же день, когда в «Ведомостях» было опубликовано цитированное выше объявление Аракчеева, на торгах Санкт-Петербургской биржи промен⁷ ассигнаций на серебро резко понизился с 85 до 70%. Сходная динамика имела место и в Москве. Там 4 мая, когда первые слухи о данном Аракчеевым объявлении могли появиться в городе, промен также понизился, сначала с 84,5 до 79%, а 7 мая еще до 70%. Впрочем, снижение промена оказалось краткосрочным. Уже 8 мая в Петербурге промен вновь вырос до 85%⁸. Началось его повышение и в Москве. Надеждам, что решительные действия Аракчеева будут способствовать наведению порядка в финансовых делах, если таковыми и объясняется имевшее место временное улучшение курса ассигнаций, не суждено было сбыться.

Дело в том, что отказ от платежа долгов мера обоюдоострая. Ее эффективность в деле приведения финансов в порядок во многом зависит от того, как быстро будут определены условия, на которых эти платежи могут быть возобновлены.

Собственно говоря, указом от 25 января 1808 г. предписывалось «истребовать немедленно от упомянутых департаментов подробные ведомости, сколько по ведомству которого числится всех долгов к платежу подлежащих, кому и за что именно, а потом рассмотреть оные коллегии и сделать

свое заключение, на счет каких сумм следует те долги удовлетворить». Но выполнение именно этого пункта указа столкнулось с наибольшими трудностями. Военное министерство элементарно не располагало необходимыми сведениями. По ведомостям, например, к 1808 г. долгов по комиссариатскому департаменту числилось: 2109 червонцев, 1034 талеров, серебром - 423 106 руб. и ассигнациями -1 175 265 руб.⁹ Всего, следовательно, по курсу на начало 1808 г. -1,9 млн руб. ассигнациями. Между тем генерал-кригскомиссар Татищев в своем письме военному министру доносил, что «комиссариату на 1807 год было ассигновано 27 361 521 руб. 45% коп., а по краткому отчету, по 8 ноября издержано 47 154 462 руб. 90!/> коп., следовательно, передержано 19 792 941 руб. 44% коп.; в то число отпущено 8 375 970 руб. 47% коп., осталось недопущено 11 416 970 руб. 97 коп.»¹⁰. Приведенные цифры задолженности различаются, таким образом, в 6 (!) раз. Тем не менее для решения именно этой проблемы никаких мер Аракчеевым уже не предпринималось.

Специальная «Мемельская счетная по заграничным армейским расходам комиссия», на которую возлагалась обязанность «привести в известность» все расходы на содержание действующей армии в кампанию 1806-1807 гг., была учреждена еще 17 июня 1807 г. Срок для окончания ее работы был определен в один год, при этом ей был придан многочисленный штат, на содержание которого тратилось до 30 тыс. руб., однако наплыв разного рода счетов и претензий, сумма которых достаточно быстро превысила 28 млн руб. серебром, похоронил надежду на скорое окончание дел¹¹.

К сроку фактически были определены только те суммы, которые и так не требовали особой проверки. Речь идет об артельных, полковых, и собственных денежных средствах, которые солдаты и офицеры сдавали для хранения в провиантский и комиссариатский департаменты. И 30 июня 1808 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» Аракчеев поспешил объявить, что «по приведении мемельской счетной комиссией этих средств в известность» было выделено 573 025 руб. 74! коп. ассигнациями на их уплату, которые он и «отправил прямо от себя каждому полку и команде, сколько по расчету следует через нарочных». Но ведь было, и не мало, таких, как некий генерал-майор Потапов, который употребил «на покупку в казну в 1807-м году провианта и фуража, по бытности его шефом Ольвиопольского гусарского полку, собственных денег 6772 руб. 91 коп. ассигнациями и 471 руб. 20 коп. серебром»¹². Заметим, что годовое жалование генерал-майора в начале XIX в. составляло 2 066 руб. 40 коп.¹³

Всем таким, потратившим собственные деньги на покупку продовольствия самостоятельно, Аракчеев говорил, что ответом на их просьбы о возвращении истраченного служит уже цитированное нами его объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях». И значит, они должны дожидаться, когда Мемельская комиссия закончит проверку всех счетов. Более того, по инициативе Аракчеева 26 июля 1808 г. Военной коллегии был дан очередной указ. Отныне вновь назначенным шефам при приеме полков строжайше предписывалось «найденных в полку недостатков претензиями на провиантском и комиссариатском департаментах почитаемыми» «отнюдь не заменять». Те же, кто на такой зачет все-таки согласится, должны были восполнить имеющиеся в полку недостатки самостоятельно за счет опять-таки собственных средств, не дожидаясь платежа долгов от казны¹⁴.

Аналогичную позицию занял Аракчеев и относительно просьбы атамана М.И. Платова об отпуске донским казакам, находящимся в Молдавской армии, 300 тыс. руб. в счет претензий за фуражное продовольствие подъемных лошадей в кампанию 1806-1807 гг. На заседании Комитета министров 12 мая 1809 г. он представил отзыв председателя Мемельской счетной комиссии, бывшего генерал-интенданта действующей армии В.С. Попова. Из него следовало, что казаки положенного числа лошадей не имели и потому счетная комиссия «признает следующим казачьим полкам за четыре части подъемных лошадей за всю кампанию только 129 150 р. 36 к.», каковые и предлагается выдать вместо просимых 300 тыс.

Комитет министров рассуждал, однако, иначе. Принимая во внимание неоконченную войну со шведами, возобновление военных действий против Турции, а также необходимость участия в боевых действиях против Австрии, он находил, что в этих условиях «рвение казачьих полков к службе поощрять нужно» и потому просимые атаманом Платовым средства в 300 тыс. руб. ассигнациями необходимо выдать сполна¹⁵.

Уязвленное ли этим решением Комитета министров самолюбие или что-то иное подтолкнуло Аракчеева, но только теперь он вновь вернулся к вопросу платежа долгов. 2 июня 1809 г. Аракчеев представил Комитету министров проект доклада, в котором вспомнил наконец и о тех полках и командах, что свои полковые, артельные и собственные генералов и офицеров деньги употребили на продовольствие войск и которые им «доныне остаются невозвращенными по неокончанию об них счетов мемельскою комиссиею». Для поправления положения Аракчеев предлагал выделить в его распоряжение уже хорошо нам знакомую сумму в 300 тыс. руб. ассигнациями, из которой он мог бы удовлетворять требования «полков, кои не могут ожидать окончания счетов мемельской комиссии».

Остальным же, «кои не столько нуждаются ... назначить на сумму, собственно солдатам принадлежащую, указные проценты со дня издержки ея до возвращения». Комитет министров с этим согласился, хотя и в этот раз был более щедр, предложив не ограничивать «уплаты солдатам артельных денег суммою 300 000 рублей, но по требованию полков производил бы им полное удовлетворение, требуя от государственного казначея сверх тех 300 000 рублей»¹⁶.

Если столько времени потребовалось Аракчееву, чтобы хоть как-то определиться с условиями возобновления платежа долгов в рамках собственного ведомства, то что же говорить тогда о частных подрядчиках?! Например, об оршанском купце Вильдо, который ожидал получения 1973 руб. 96 коп. за поставленные им в 1807 г. для войск, находившихся тогда в Могилевской губернии, мясные порции. Или о смоленском купце Арефьеве, которому задолжал провиантский департамент 19 тыс. руб. за поставленный им по контракту в том же 1807 г. провиант в Рославский и Порецкий магазины. Или о бельском 3-й гильдии купце Лейбе Бишковиче, просившем об уплате ему 4974 руб. серебром за поставку в 1807 г. для госпиталей разных припасов¹⁷. Сумма эта, между прочим, составляла около 80% капитала, который надлежало теперь объявить для того, чтобы по указу от 8 ноября 1807 г. быть причисленным к купечеству по 3-й гильдии¹⁸. Список этот можно продолжать, поскольку такого рода объявления достаточно часто печатались в «Московских ведомостях».

Не получая в срок положенного от казны, все эти люди, как и многие другие, кому задолжало Военное министерство, принуждены были нести убытки, подчас, как мы видели, довольно значительные. Для одних эти убытки означали разорение или по крайней мере переход в более низкую гильдию, а то и выбытие в мещане, для других - как минимум, сокращение торговых оборотов, что не могло не сказаться на общем состоянии экономики России независимо от того влияния, которое могло оказывать присоединение к континентальной системе.

Наконец 25 августа 1809 г. Аракчеев представил на рассмотрение Комитета министров совместный с Военной коллегией доклад, представляющий те «правила, на основании которых должны рассматриваемы и уплачиваемы быть имеющиеся на Военном департаменте долги»¹⁹. Ровно год и семь месяцев потребовалось Аракчееву на то, что сделать следовало незамедлительно, как и было предписано указом от 25 января 1808 г. Впрочем, все долги по-прежнему не были «приведены в известность». В упомянутом докладе о них говорилось достаточно расплывчато как о «до нескольких миллионов рублей доходящих». В результате, даже будучи подтвержденным 1 сентября 1809 г. Александром I, этот доклад проблему возобновления платежей по долгам так и не решил. На его основании выплаты осуществлялись главным образом пенсионерам, инвалидам, вдовам и сиротам, не получившим от казны в срок положенное им жалование и другие пособия. Соответствующие списки публиковались в «Санкт-Петербургских ведомостях».

А вот помещица графиня Щенная-Потоцкая воспользоваться им так и не смогла. По свидетельству кременчугского провиантского депо, за поставку в 1806-1807 гг. провианта и фуража ей причиталось от казны 224 898 руб. И графиня просила зачесть часть этой суммы в счет ее собственной задолженности казначейству в размере 150 тыс. руб., на что получила согласие Военной коллегии. Соответствующее предписание было переслано в казначейство. К тому времени, однако, и Аракчеев оставил пост военного министра, и Ф.А. Голубцова сменил на посту министра финансов Д.А. Гурьев. Новый же министр финансов такой зачет произвести не согласился. Дело это в результате дошло до Государственного совета. На заседании департамента экономии которого 22 июня 1810 г. был зачитан ответ министра финансов, где тот объяснял, что хотя вышеупомянутый доклад Аракчеева и был утвержден Александром I он, на деле, не вполне удовлетворял выраженной императором воле, «поелику не приведено еще в известность, сколько всех долгов военного департамента заплатить следует». Поэтому министр финансов считал себя не вправе производить какие-либо платежи по долгам и не мог, следовательно, согласиться с требованием Военной коллегии произвести зачет с графиней Потоцкой. Соглашаясь по форме с этим объяснением, департамент государственной экономии, в котором председательствовал Н.С. Мордвинов, признал правомерность такого зачета, предложив «отсрочить взыскание долга с гр. Потоцкой до окончательного расчета претензий, на военном департаменте состоящих».

Этим, впрочем, дело не окончилось. Прошел, правда, еще один год, прежде чем оно было наконец рассмотрено 26 июня 1811 г. в Общем собрании Государственного совета. После обсуждения большинство членов Совета пришли к заключению, что долг с графини Потоцкой следует все-таки взыскать, «но не требуя с нея пени за просрочку. Таковое облегчение», по их мнению, было бы достаточным, а главное «справедливым вознаграждением за ожидание заплаты ей от казны следующей». Четыре человека, однако, согласились с предложением департамента государственной экономии. Тем не менее Александром I было утверждено все-таки мнение большинства²⁰. Мы не

знаем, как голосовал Аракчеев в данном случае, но история не сохранила рассказов о том, чтобы он (как это было в случае с военными поселениями) на коленях умолял императора не отказываться от платежа по долгам.

Давая оценку принятому решению о приостановке платежей по долгам, было бы неправильно отговориться невозможностью точно проследить, как оно сказалось на ценах, которые запрашивали купцы за поставки всего необходимого для казны и, следовательно, на расходах бюджета. Мнение весьма компетентных современников на этот счет вполне определено. Так, Н.С. Мордвинов в ходе заседаний департамента государственной экономии не раз указывал на то, что неопределенность с платежами по долгам не только разорительна для частных подрядчиков, но и оказывает негативное воздействие на государственный кредит. «В самом деле, - вопрошал он, например, на заседании 31 декабря 1810 г., - кто может пуститься в правильные обязательства с казною, когда нет никакой достоверности в платежах ея?». Отсюда с неизбежностью проистекает естественное стремление частных подрядчиков завышать в несколько раз цены, закладывая в них риски задержки платежа, что, в свою очередь, ведет к увеличению расходов казны. В результате, по мнению Н.С. Мордвинова, отказ от платежа долгов не только не поправил расстроенного состояния финансов, но лишь еще больше его усугубил. Поэтому он настойчиво призывал возобновить этот платеж, полагая, что «он необходим именно по самому сему расстройству; ибо без доброй веры восстановить финансов невозможно». Следовательно, не надо ожидать «пока все долги будут приведены в известность, можно начать выплаты по тем, рассмотрение которых уже закончено»²¹.

С мнением Н.С. Мордвинова был согласен и Д.Б. Мертваго, как раз в 1808-1809 гг. занимавший пост генерал-провиантмейстера и знакомый с ситуацией, так сказать, изнутри. В своих записках он писал позднее, что «подрыв кредита столько возвысил цену и затруднил действия, что в один год переплатили денег в излишестве более, нежели бы стоил весь платеж долгов»²². Весьма красноречивое это свидетельство невольно подтверждает и сам Аракчеев. Решив, видимо, обратиться к силе общественного мнения, он довольно регулярно публиковал в газетах свои объявления. В них он то обличал «одну чрезмерную жадность» некоего Ивана Фалеева, сына московского именитого гражданина, запросившего за перевозку 3 тыс. кулей казенной муки из Санкт-Петербурга в Фридрихсгам по 14 руб. 50 коп. с куля; то, напротив, отмечал вышегородского купца Галашевского, много содействовавшего «понижению нынешних цен» на доставку провианта и овса в старую и новую Финляндию (понижение это составило по 5 коп. с куля против прошлого года). А если снизить цены не удавалось или подрядчиков вовсе не находилось, то тут же извещал публику, что «казна не имеет той нужды, какую может быть торгующиеся предполагают», и объявлял об отмене назначенных торгов, надеясь таким образом сбить цены²³.

Вся эта публицистическая деятельность результата, однако, практически не дала. В 1808 г. «по случаю возвышения цен», только по официальным данным, Военным министерством было перерасходовано средств на 7,1 млн руб., что составило 6% от всех расходов министерства за этот год, или 10,8% от сверхсметных ассигнований.

Если, соглашаясь на приостановку платежа долгов, Александр I рассчитывал, сэкономив на расходах военного ведомства, как-то сбалансировать бюджет, то его ждало горькое разочарование.

Расходы Военного министерства в 1808 г. составили 118,5 млн руб., более чем в 2 раза превысив сметные предположения. При этом они увеличились по сравнению с предыдущим годом на 87%. В результате доля Военного министерства во всех расходах бюджета подскочила до 48%. До этого она не превышала 40% (в 1807 г.) и в среднем за 1805-1807 гг. составляла 37%.

В то же время все обыкновенные доходы бюджета составили только 125,2 млн руб. Причем они не только не снизились по сравнению с 1807 г., как можно было ожидать в виду присоединения России к континентальной системе, но даже возросли, хотя и всего на 6%. Действительно, таможенных пошлин поступило лишь 5,5 млн руб. против 9,5 млн руб., предполагавшихся по росписи. Однако этот недостаток в 4 млн руб. был перекрыт поступлением дополнительно 5,1 млн руб. от пошлин с купчих крепостей, штрафных по делам и разных других сборов, сверх предположенных по росписи этой статьи 3,1 млн руб. сборов.

Не отразилось сколько-нибудь существенно влияние континентальной блокады и на собираемости других доходов. Напротив, исполнение доходной части росписи даже несколько улучшилось. Так, в 1807 г. по отчету недостаток прямых налогов составил 4,4 млн руб. против росписи, а в 1808 г. он сократился до 3 млн руб. В результате в недоимках на конец 1808 г. числилось 12,5 млн руб., но это лишь на 1,2 млн руб. больше, чем в конце 1807 г., в котором, между прочим, недоимка выросла на 2,3 млн руб.²⁴

Если воздействие континентальной блокады на доходы бюджета оказалось весьма ограничено, то влияние Аракчеева было более многообразно. Помимо отказа от платежа долгов, что не могло не

затронуть платежеспособность частных подрядчиков и, следовательно, их способность уплачивать налоги и долги казначейству, Аракчеев не оставил своим вниманием состояние дисциплины и морального духа солдат. В целях, видимо, его повышения он добился от Александра I еще одного высочайшего указа, принятого 30 июня 1808 г., об уничтожении питейных домов, находящихся ближе 300 саженей от казарм. Таковых оказалось, между прочим, более трети от всего их числа. Спустя год с лишним, когда возникшая в результате недоимка вплотную приблизилась к 1,5 млн руб., более чем в 2 раза превысив внесенный откупщиком залог, правительство наконец спохватилось. Дабы оградить интересы казны Комитету министров пришлось всерьез рассматривать предложение о введении государственного управления откупом, с чем, правда, Александр I тогда не согласился²⁵.

Таким образом, нарастание военных расходов при в целом практически неизменных ежегодных доходах бюджета привело к тому, что его дефицит, который и так уже вырос в 1807 г. более чем в 2,5 раза, составив 40,7 млн руб., или четверть всех расходов казны, увеличился в 1808 г. еще в 3 раза до 123 млн руб. Теперь уже без малого половина казенных расходов не была покрыта соответствующими доходами государства.

Изыскивая средства для финансирования этого огромного дефицита, управлявший Министерством финансов Ф.А. Голубцов даже не пытался поставить под сомнение необходимость таких расходов военного ведомства, считая, что «самое существо расходов и те неизбежные и крутые нужды и надобности, для которых» они производились, полностью оправдывают эти траты²⁶. Между тем крайне интересные выводы и заключения сделал Государственный контроль, созданный в 1810 г. для проверки расходов бюджета. Сравнивая расходы на армию в 1795 и в 1810 гг., он произвел нехитрые вычисления. В 1795 г. комиссариатский департамент израсходовал 12,7 млн руб. ассигнациями, что по тогдашнему курсу 140 коп. ассигнациями за рубль серебром составляет 9,1 млн руб. серебром. К 1810 г. армия увеличилась на 2/5 своего состава, на что в 1795 г. потребовалось бы еще 3,6 млн руб. серебром. Таким образом, расход по департаменту в 1810 г. должен был бы составить 12,7 млн руб. серебром, что в пересчете на ассигнации по курсу 325 коп. составляет 41,2 млн руб. На самом же деле было израсходовано 50,5 млн руб., или на 9,3 млн руб. больше. Аналогичные подсчеты по провиантскому департаменту дали превышение расходов еще на 7,3 млн руб. Среди причин такого завышения расходов, помимо прямого воровства и казнокрадства, Государственный контроль назвал также и ненужные переходы воинских частей из одного места квартирования в другое, и излишние запасы²⁷. Примеры такого нерационального использования Аракчеевым денежных средств приводит в своих записках и Д.Б. Мертваго.

На это же обратил внимание департамент государственной экономии, обнаруживший, что к 1810 г. Военное министерство, имея в запасах наличного хлеба для продовольствия войск на 13,6 млн руб., а также комиссариатских вещей на 4,6 млн руб., располагало еще и остатками наличных денег от выделявшихся ему ассигнований, которые превышали 24,3 млн руб.²⁸ И это притом, что в 1808 г. осталось непрофинансировано уже утвержденных расходов на 2,5 млн руб., а в 1809 г. величина следующих к исполнению расходов возросла до 4,6 млн руб., не говоря даже о тех, кто ожидал платежа по долгам, сделанным Военным министерством до 1808 г. Строго следя за неукоснительным соблюдением воинской дисциплины, Аракчеев, как видим, мало заботился о соблюдении дисциплины финансовой, хотя при случае и стремился показать, что он не чужд экономии и заботится об интересах казны.

Но, пожалуй, самое главное заключается в том, что, обладая такими запасами и остатками на счетах военных департаментов в Заемном банке, Аракчеев категорически не соглашался на какое-либо урезание требований своего министерства, тем самым принуждая управляющего Министерством финансов Ф.А. Голубцова искать источники для их финансирования в заимствованиях из кредитных установлений, в том числе из того же Заемного банка. Однако займы нужно было возвращать, да еще платить по ним проценты, все больше увеличивая, таким образом, расходы бюджета. Если в 1807 г. на платеж капитала и процентов государственным кредитным установлениям Министерство финансов израсходовало только 4,3 млн руб., что составило 13% всех его расходов, то в 1809 г. на те же цели было истрачено уже 19,7 млн руб., или 24% от всех расходов этого министерства. В результате дефицит бюджета в 1809 г. составил 142,9 млн руб., впервые превысив обыкновенные доходы на 7,3 млн руб. И это несмотря даже на то, что расходы Военного министерства, хотя и превысили назначенные по росписи более чем на 60%, но сократились по сравнению с предыдущим годом, составив 112,3 млн руб.

Ресурсы кредитных установлений были, впрочем, ограничены. Так что как не пытался Ф.А. Голубцов «избежать позаимствований из государственного Ассигнационного банка столь больших, сколь велики предстояли нужды», основным источником финансирования военных расходов осталась все-таки эмиссия ассигнаций. В результате в 1808 г., когда их было выпущено в обращение на 95 млн

руб., денежная масса увеличилась на четверть. В 1809 г. пришлось напечатать еще 55,8 млн руб., так что всего в обращении к началу 1810 г. находилось уже 533,2 млн руб. ассигнациями²⁹. Разумеется, что такое увеличение количества денег должно было сказаться на промене ассигнаций на серебро, который за то время, что Аракчеев возглавлял Военное министерство возвысился с 60% на 31 декабря 1807 г. до 150% на 31 декабря 1809 г.³⁰

Пытаясь фактически оправдаться перед Александром I в столь масштабных выпусках ассигнаций, Ф.А. Голубцов утверждал, что другим «для государства легчайшим образом» действовать в этих условиях было невозможно. Но император к тому времени, видимо, снова переменял свою точку зрения, поручив осенью 1809 г. М.М. Сперанскому подготовить план действительного реформирования финансов. Впрочем, это уже другая история.

Подводя итоги деятельности Аракчеева в области финансов, нельзя не согласиться с мнением В.Р. Марченко, работавшим вместе с Аракчеевым в Военном министерстве. В своей автобиографической записке³¹ он отмечал, что Аракчеев «нанес и вред государству». Отказавшись платить долги, он подорвал «кредит казны и разорил многих подрядчиков; неумеренное же требование денег от Государственного казначейства заставило Голубцова столько выпустить ассигнаций», что рубль значительно обесценился и представлял в конце концов лишь четвертую часть своей стоимости. Таким образом, говоря о послетильзитском состоянии российских финансов, было бы несправедливо указывать на присоединение России к континентальной системе как на единственную причину их расстройств. Во-первых, состояние отечественных финансов к началу 1808 г. было и так достаточно тяжелым. Во-вторых, предпринятые правительством в этот период меры, о которых мы говорили выше, не только не способствовали преодолению проблем, накопившихся в финансовой сфере, но лишь только больше их углубляли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 30. №22. Стб. 777.

² Здесь и далее использованы данные росписей государственных доходов и расходов, а также отчетов об их исполнении, опубликованные в 45-м томе «Сборника Русского Исторического общества» (СПб., 1885). Расчеты выполнены автором на их основании самостоятельно.

³ Комитет финансов был учрежден 13 октября 1806 г. по ходатайству министра финансов А.И. Васильева для обсуждения важнейших финансовых вопросов. Комитет этот считался негласным и состоял из небольшого числа членов. На Комитет финансов, между прочим, было возложено предварительное рассмотрение и обсуждение росписи о государственных доходах и расходах, что ранее входило в компетенцию Комитета министров. В связи со смертью А. И. Васильева Комитет финансов 24 сентября 1807 г. был реорганизован, в его состав вошли П.В. Завадовский, Н.П. Румянцев, А.Б. Куракин, Д.А. Гурьев, В. С. Попов и Ф.А. Голубцов.

⁴ См.: Министерство финансов, 1802-1902. СПб., 1902. Ч. 1. С. 170.

⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1808. № 35, 1 мая. С. 521.

⁶ См.: Журналы Комитета министров. СПб., 1888. Т. 1. С. 93. Стб. 2; С. 95. Стб. 1.

⁷ Промен показывает, сколько процентов сверх номинала дают при обмене серебряного рубля на ассигнационный. Иначе говоря, фраза «промен по 70%» означает, что за серебряный рубль дают 170 коп. ассигнациями. Отсюда вычисляется обратный курс - рубль ассигнациями стоит округленно 58,8 коп. серебром.

⁸ См.: «Санкт-Петербургские ведомости» за 1808. № 34, 35, 37; «Московские ведомости» за 1808 г. № 36, 37, 38, 39.

⁹ Кроме того, по провиантскому департаменту числилось долга: 47 206 червонцев, 14 530 талеров, серебром - 1 889 734 руб. и ассигнациями - 4 338 564 руб., а всего в ассигнациях по курсу на начало 1808 г. - 7,6 млн руб.

(Столетие Военного министерства, 1802-1902. С. 370).

¹⁰ Столетие Военного министерства, 1802-1902. 1902. С. 369.

¹¹ Мемельская счетная комиссия проработала без малого 10 лет, но так и не смогла проверить все документы и прекратила работу, не составив общего отчета. Нерешенные дела были переданы в Государственный контроль, который только к 1824 г. смог подвести некоторые финансовые итоги войны 1806-1807 гг. Главные усилия Мемельской комиссии были направлены на то, чтобы рассчитаться с прусским правительством. Что ей, несмотря на известную запутанность счетов, благополучно удалось. В результате 20 сентября 1808 г. была заключена конвенция с Пруссией, по которой русское правительство обязалось уплатить 5,5 млн прусских талеров, или 13 168 871 руб. ассигнациями, с рассрочкой на 3 года.

¹² Московские ведомости. 1809. № 37, 8 мая. С. 876.

¹³ Столетие Военного министерства, 1802-1902. С. 93.

- ¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1808. №61, 31 июля. С. 916.
- ¹⁵ Журналы Комитета министров. Т. 1. С. 288.
- ¹⁶ Там же. С. 297.
- ¹⁷ Московские ведомости. 1808. № 91, 11 нояб. С. 2253; 1809. № 25, 27 марта. С. 580; 1809. № 60, 28 июля. С. 1360.
- ¹⁸ В ноябре 1807 г. объявляемые по гильдиям капиталы были резко увеличены и составили для 1-й гильдии 50 тыс. руб., для 2-й - 20 тыс. руб. и для 3-й - 8 тыс. руб. Ранее для записи в 3-ю гильдию было достаточно объявить капитал в 2 тыс. руб., во 2-ю - 8 тыс. руб. и в 1-ю - 16 тыс. руб. С каждого рубля объявленного капитала надлежало уплатить налог в размере 1,25%. Таким образом, это увеличение объявляемого капитала привело к увеличению налоговой нагрузки на купечество в среднем в 3 раза, что также негативно сказалось на его финансовом положении безотносительно к тому влиянию, которое могло оказывать участие России в континентальной блокаде.
- ¹⁹ Журналы Комитета министров. Т. 1. С. 344. См. также: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 30. №23. Стб. 823.
- ²⁰ Архив Государственного совета. Т. 4: Журналы по делам департамента государственной экономии. СПб., 1881. Ч. 2. Стб. 1915-1918.
- ²¹ Там же. СПб., 1881. Ч. 1. Стб. 53-54;
- ²² *МертвагоДБ*. Записки (1760-1824). СПб., 2006. С. 189.
- ²³ Санкт-Петербургские ведомости. 1808. № 22, 17 марта. С. 323; № 59, 24 июля. С. 889.
- ²⁴ Архив Государственного совета. СПб. 1881. Т. 4, ч. 1. Стб. 79.
- ²⁵ Журналы Комитета министров. Т. 1. С. 394; СПб, 1891. Т. 2. С. 12.
- ²⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. первая, 1801- 1815 гг., М., 1967. Т. 5. С. 197-198.
- ²⁷ Столетие Военного министерства, 1802-1902. С. 372-373.
- ²⁸ Архив Государственного совета. Т. 4, ч. 1. Стб. 59-60;
- ²⁹ *Бржесский Н.Б.* Государственные долги России. СПб., 1884. Табл. № III.
- ³⁰ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1808. №1; 1810. №1.
- ³¹ Аракчеев: свидетельства современников. М., 2000. С. 71.